

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

УДК 32.019.52+316.4:004.032.62(470)(045)

Единое информационное пространство России: опыт социологического исследования

И.А. Юрасов, В.А. Юдина, О.А. Зябликова

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Пенза, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность настоящего исследования обусловлена технической и технологической возможностью создания единого информационного пространства в Российской Федерации. **Целью** настоящего исследования является социологический анализ отношения российского образованного сообщества и студенчества к возможности создания единого информационного пространства в нашей стране, выявление социологических зависимостей и корреляций в отношении к его созданию от возраста, уровня образования и конкретных компетенций респондентов. Успех существования единого информационного пространства и единой государственной информационной политики зависит от отношения общества к альтернативной информации, от функционально-семантической направленности оценки закрытого и запрещенного контента, от критического анализа западной информации. **Материалы и методы.** Исследования проводились в декабре 2023 – феврале 2024 г. среди студентов средних профессиональных и высших учебных заведений. В качестве методов исследования использовался массовый социологический опрос российской студенческой молодежи из 29 субъектов Российской Федерации ($n = 513$) и корреляционный анализ полученных цифровых данных. **Результаты исследования.** В ходе исследования выявлено, что более половины опрошенных респондентов оценивают создание единого информационного пространства в Российской Федерации как технически и технологически возможное и социально важное. Треть респондентов полагает, что формирование единого российского информационного пространства политически необходимо во время настоящих геополитических вызовов. Социологическая корреляционная связь типа региона с отрицательным отношением респондентов к созданию единого информационного пространства отсутствует. **Сделанные выводы:** чем старше респонденты, тем чаще они занимают позицию, что создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды необходимо для гармоничного развития общества. Чем выше уровень владения иностранным языком респондентов, тем больший интерес для них представляет альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о существовании определенных инструментальных предпосылок формирования единого информационного пространства.

Ключевые слова: информационное пространство; государственная информационная политика; корреляционный анализ; пропагандистский контент; критический анализ информации; информационные геополитические вызовы; информационные ресурсы; социум

Для цитирования: Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Единое информационное пространство России: опыт социологического исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

ORIGINALPAPER

Russia's Unified Information Space: Sociological Research Experience

I.A. Yurasov, V.A. Yudina, O.A. Zyablikova

Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of this study is due to the technical and technological possibility of creating a unified information space in the Russian Federation. **The purpose** of this study is a sociological analysis of the attitude of the Russian educated community and students to the possibility of creating a unified information space in our country, identifying sociological dependencies and correlations in relation to its creation on the age, level of education, and specific competencies

© Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А., 2025

of respondents. The success of the existence of a unified information space and a unified state information policy depends on the attitude of society towards alternative information, on the functional-semantic orientation of the assessment of closed and prohibited content, on the critical analysis of Western information. Materials and methods. The research was conducted in December 2023 and February 2024 among students of secondary vocational and higher educational institutions. The research methods used were a mass sociological survey of Russian students from 29 constituent entities of the Russian Federation ($n = 513$) and a correlation analysis of the obtained digital data. **Research results.** The study revealed that more than half of the respondents assessed the creation of a unified information space in the Russian Federation as technically and technologically possible and socially important. One third of respondents believe that the formation of a unified Russian information space is politically necessary during real geopolitical challenges. There is no sociological correlation between the type of region and the negative attitude of respondents towards the creation of a unified information space. **Conclusions.** It was revealed that the older the respondents are, the more often they take the position that the creation of a unified state information space without the influence of enemy propaganda is necessary for the harmonious development of society. The higher the level of foreign language proficiency of respondents, the greater their interest in alternative anti-state foreign or Russian-language opposition content. The conducted research allows us to conclude that there are certain instrumental prerequisites for the formation of a unified information space. **Keywords:** information space; state information policy; correlation analysis; propaganda content; critical analysis of information; informational geopolitical challenges; information resources; society

For citation: Yurasov I.A., Yudina V.A., Zyblikova O.A. Russia's unified information space: Sociological research experience. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

ВВЕДЕНИЕ

Современные геополитические вызовы, с которыми сталкивается Российская Федерация в настоящее время, заставляют по-новому взглянуть на государственную информационную политику. В государственных и оппозиционных СМИ не раз высказывались мнения о создании единого российского информационного пространства, единого информационного поля.

Предсказуемо, что государственные СМИ высказывают необходимость создания единого информационного поля и положительно оценивают его создание с социальной точки зрения. Оппозиционные СМИ в лице их одиозных представителей проводят информационную кампанию, дискредитирующую саму попытку создания единого российского информационного поля, забывая о том, что такие единые в плане представления политического контента информационные поля созданы в США, Канаде, странах ЕС, Китае и других государствах [1].

Создание единого российского информационного пространства технически и технологически возможно и легко реализуемо. Проблема состоит только в том, как отнесется российское гражданское общество, в отсутствии которого нас многие годы стараются убедить западные и отечественные антигосударственно настроенные пропагандисты, социологи и политологи, к существованию в Российской Федерации единого, контролируемого государством информационного поля.

В нашей стране имеется богатый практический и теоретический опыт анализа единого информационного пространства времен СССР, когда советские печатные и электронные СМИ транслировали

государственную информационную повестку дня. Эта повестка не пользовалась доверием советского интеллигентского сообщества и продвинутого студенчества. Более того, государственный информационный контент подвергался сомнению, в то время как информация западных пропагандистов из «Голоса Америки», «Немецкой волны», «Радио Свободы», «Русской службы ВВС» воспринималась как святая истина в последней инстанции, не требующая критического осмысления продвинутой антигосударственно настроенной советской интеллигенцией [2]. Таким образом, эффективность создания единого российского информационного пространства зависит от отношения к возможности его создания национального научно-образовательного сословия и российского студенчества.

Целью настоящего исследования является социологический анализ отношения российского образованного сообщества и студенчества к возможности создания единого информационного пространства в нашей стране, выявление социальных зависимостей и корреляций в отношении к его созданию от возраста, уровня образования и конкретных компетенций респондентов. Настоящая цель была реализована благодаря выполнению следующих задач:

1. Исследовать отношение российского студенчества и российской научной молодежи к возможности формирования в нашей стране единого информационного пространства.
2. Провести социологический, социокультурный и социально-технологический анализ особенностей функционирования цифрового информационного пространства в Российской Федерации.

3. Выявить социологические связи и корреляции между возрастом, уровнем образования, определенными компетенциями респондентов и их отношением к технической возможности создания единого информационного пространства.

4. Найти и описать социокультурные и социально-психологические особенности российского студенчества и российской научной молодежи, препятствующие формированию положительного отношения к возможности создания единого российского информационного пространства.

5. Провести корреляционный анализ, показывающий связь отдельных социологических особенностей социальной группы российского студенчества и российской научной молодежи с оценкой создания единого российского информационного пространства.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Единое информационное пространство можно определить как совокупность смыслов, семантики основных дискурсов, контента страны, информационных банков, всех баз данных, инструментов, механизмов и технологий их формирования, сопровождения и использования, социально-демографических групп пользователей единого информационного пространства, информационно-телекоммуникационных систем, которые действуют на основе общих принципов и обеспечивают информационное взаимодействие организаций и граждан, удовлетворяя их информационные потребности [3].

Единое информационное пространство страны состоит из следующих компонентов:

6. Информационные ресурсы, включающие контент и его смысловое наполнение; данные и зафиксированные знания; информацию, аккумулированную на соответствующих носителях.

7. Составляющие информационной инфраструктуры:

а) организационные структуры, обеспечивающие сбор информации, обработку данных, хранение информации, распространение знаний, поиск информации, передачу данных в социальных системах;

б) средства информационного воздействия на население, включающие: программно-технические средства, организационно-нормативные документы, инструменты и механизмы, созданные на основе современных информационных технологий [4].

Технически и технологически создание единого информационного пространства вполне возможно. Однако при его формировании необходимо учитывать влияние следующих социальных, соци-

ально-технологических и социокультурных факторов: формирование сетевого цифрового общества в России; разработка социальных технологий, направленных на преодоление фрондерской культуры и фрондерской политической идентичности значительной части российского студенчества и научно-образовательного сообщества; система социальных архетипов студенчества, включающая деструктивные социальные архетипы, разрушающие основу институционального социального доверия и государственного строя; формирование государственной системы социальных архетипов и ценностей, способствующих становлению государственно-ориентированной личности; дискурсивное управление смыслами молодежной студенческой культуры и научно-образовательного сословия; создание «мы-групп» по методологии А. Шюца [5].

Преодолеть молодежное студенческое фрондерство могут «мы-группы» по А. Шюцу, которые предполагают создание небольших групп, где культивируется благожелательная социально-психологическая атмосфера. Эта атмосфера формируется на основе общей системы релевантностей и моделей понимания актуального образа жизни. В таких группах ожидания каждого участника идентичны ожиданиям других членов группы. Подобное положение вещей создает базовые этические нормы, взаимные моральные обязательства и нормы поведения, которые существенно отличаются от установок представителей «они-групп» и их ценностей, противоречащих ценностям «мы-групп».

Технические и технологические возможности создания единого информационного пространства обусловлены развитием цифрового общества в мире и Российской Федерации. Это развитие характеризуется следующими тенденциями:

1. Сверхсвязанность.
2. Платформизация.
3. Датификация.
4. Алгоритмическое управление [6, 7].

Сверхсвязанность, как специфическая социокультурная и социально-технологическая особенность, проявляется благодаря высокой степени проникновения сетевых информационных технологий в бытовую жизнь российского общества. Эта характеристика увеличивает количество социальных взаимодействий и контактов, но при этом обесценивает их; облегчает взаимодействие, но создает новые виды зависимостей, цифровой тоталитаризм, слежку, распространение фейковой информации, особенно в студенческой молодежной среде [8].

Платформизация представляет собой степень проникновения коммуникативно-цифровых технологий, цифровых платформ и приложений в быт российского социума. Цифровые платформы являются специфической программируемой цифровой инфраструктурой, которая формирует и стимулирует взаимоотношения между пользователями и поставщиками услуг и товаров. Платформизация как социально-технологический процесс информирует заинтересованных пользователей посредством систематического сбора, алгоритмической обработки, монетизации и распространения цифровых данных [4].

Датификация — цифровой процесс оценки и отбора цифровой информации, ее количественной интерпретации, мониторинга, формирования цифрового следа социальных коммуникаций, в результате которых формируются «большие данные» [9].

Алгоритмическое управление представляет собой цифровое структурирование социальной среды, специфическую форму социального упорядочения и социальной иерархизации. Оно основано на координации между участниками и сложными цифровыми контентами.

Техническая и технологическая возможность создания единого информационного пространства связана с формированием в российском социуме специфической социально-биологической формы «электронного человека». Появление еНОМО, который представляет собой гибрид биологической особи и цифрового, информационного человека, необходимо учитывать при формировании единого информационного пространства.

Для этого нового человеческого вида доступны вся накопленная человечеством информация, всемирные цифровые технологии, экспертные системы в любой области научного знания. Потенциал среднего российского еНОМО может оказаться равным современному исследовательскому институту. Кроме того, за счет этого расширяются возможности коррекции человеческой психики, затрагивающие ограничение агрессии, блокирование боли, мобилизацию и т.п. [10].

Единое информационное пространство может привести к негативным последствиям, таким как институциональные ловушки, которые понимаются как «неэффективные, но стабильные нормы или институты». Эти факторы необходимо учитывать при формировании единой информационной повестки в общении с молодежной стратой [11].

Примерами институциональных ловушек при формировании единого информационного про-

странства являются: троллинг, кибербуллинг, политическая пассивность, снижение сетевой активности, манипулирование социальным доверием студенческой молодежи в сети, фальсификация сетевой активности в интернете, применение киберсимулякров, виртуализация, слэктивизм (политическая сетевая активность, не дающая реальных политических результатов, а только укрепляющая комфорт участников сетевой политической дискуссии) [12, 13].

Значимым инструментом в создании единого информационного пространства и управлении им может стать методика дискурсивного управления Э. Лаклау и Ш. Муффа. Согласно этой парадигме, дискурс формирует социальные отношения и устанавливает горизонты общественного воображения.

Единый государственный, властный дискурс определяет темы для обсуждения, способы обсуждения, политические действия, которые лягут в основу единого информационного пространства и единых информационных полей. Дискурсивные конструкции формируют ценности, отношения, оценки и различные политические решения [14, 15].

Различные государственные мейнстримные дискурсы могут маргинализировать определенные социальные группы. Задача формируемого единого информационного пространства — маргинализация смыслов вражеской пропаганды и изоляция оппозиционных единому информационному пространству социальных групп на основе формирования антагонистических дискурсов.

Таким образом, анализ литературы по проблеме создания единого информационного пространства в России показал, что такое создание возможно технически, технологически и социокультурно. Эта возможность будет укрепляться, если сам социум, особенно его значимые социальные группы, будет положительно относиться к этому процессу.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования по социологическому анализу отношения российского студенчества и российской научной молодежи к возможности создания единого информационного пространства проводились в декабре 2023 — феврале 2024 г. среди студентов средних профессиональных и высших учебных заведений 29 субъектов Российской Федерации: Алтайский край, Белгородская область, Вологодская область, Воронежская область, Калининградская область, Калужская область, Краснодарский край, Красноярский край, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Нижегородская область,

Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пензенская область, Рязанская область, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Самарская область, Свердловская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Тюменская область, Хабаровский край, Челябинская область, Ярославская область. В качестве методов исследования использовались массовый социологический опрос российской студенческой молодежи ($n = 513$) и корреляционный анализ полученных цифровых данных, в результате которых были выявлены корреляционные зависимости отношений респондентов к техническим и технологическим возможностям создания единого информационного пространства в России, их отношения к самой возможности создания единого информационного пространства, социологической оценки важности и интереса западного информационного контента для российской студенческой молодежи.

Результаты проведенного исследования представлены в *табл. 1*.

Более половины респондентов (51,9%) считают, что в России возможно технически и юридически создать единое информационное государственное пространство. Однако 9,4% опрошенных участников

исследования высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (*табл. 2*).

При ответе на вопрос: «Возможно ли технически и юридически создать в России единое информационное государственное пространство?», мужчины чаще женщин считают, что это невозможно (16,4% и 5,9% соответственно).

50,5% респондентов высказываются положительно в отношении создания в стране единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды. Однако 13,8% опрошенных участников исследования считают иначе (*рис. 1*).

При ответе на вопрос: «Необходимо ли создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды?», мужчины чаще женщин считают, что в этом нет необходимости (22,8% и 9,5% соответственно). При этом чем старше возраст респондентов, тем чаще они высказывают позицию о необходимости создания единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды.

Более трети респондентов (37,2%) считают, что в России возможно исключить в едином информационном пространстве влияние враждебной

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики респондентов / Socio-demographic characteristics of respondents

Показатель/ Indicator		Доля респондентов / Share of respondents, %	Численность, чел. / Number of people
Пол	Мужской	34,1	175
	Женский	65,9	338
Возраст (лет)	до 18	16,7	86
	18-19	24	123
	20-21	24	123
	22-23	10,3	53
	24-25	7,8	40
	26-30	8,8	45
	31-35	8,4	43
Уровень образования	Студент СПО	19,3	99
	Студент ВО	56,7	291
	Магистрант	19,3	99
	Аспирант	4,7	24

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возможно ли технически и юридически создать в России единое информационное государственное пространство?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it technically and legally possible to create a single state information space in Russia?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Все опрошенные		51,9	9,4	38,7
Пол	Мужской	52,6	16,4	31
	Женский	52,2	5,9	41,8
Возраст (лет)	до 18	53	6	41
	18–19	55,2	8,9	35,9
	20–21	46,3	9,8	43,9
	22–23	53,3	26,7	20
	24–25	66,7	—	33,3
	26–30	37,5	25	37,5
	31–35	50	16,7	33,3
Уровень образования	Студент СПО	40	13,7	46,3
	Студент ВО	55,5	7,5	37
	Магистрант	52,6	21,1	26,3
	Аспирант	40	40	20

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

экстремистской пропаганды и идеологии. Однако 27,7% опрошенных участников исследования высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (табл. 3).

Более трети респондентов (35,7%) отмечают, что будут искать технические возможности получить альтернативную информацию при блокировке иностранного пропагандистского контента. Однако практически такая же доля опрошенных участников исследования (32,2%) высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (рис. 2).

21,2% респондентов отмечают, что им будет интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент. Однако практически для половины опрошенных участников исследования (45,4%) данная информация не важна (табл. 4).

При ответе на вопрос: «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосудар-

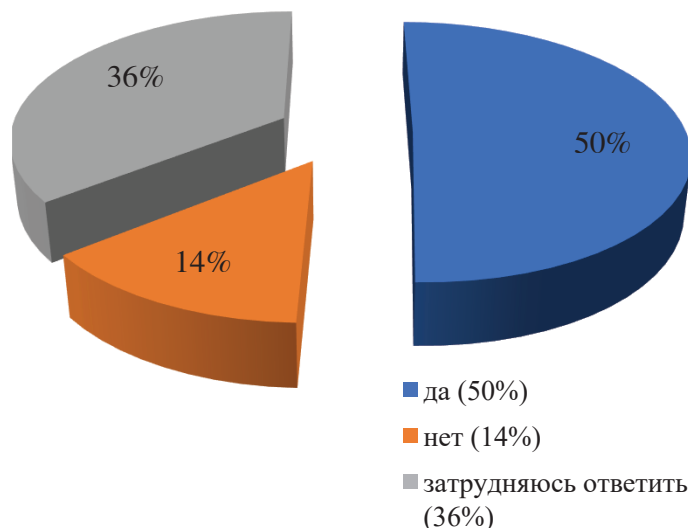

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Необходимо ли создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it necessary to create a single state information space without the influence of enemy propaganda?»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возможно ли исключить в едином информационном пространстве влияние враждебной экстремистской пропаганды и идеологии?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it possible to exclude the influence of hostile extremist propaganda and ideology in a single information space?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Все опрошенные		37,2	27,7	35,1
Пол	Мужской	39	34,9	26,2
	Женский	36,7	24,3	39,1
Возраст (лет)	до 18	34,9	28,9	36,1
	18–19	42,4	25,8	31,7
	20–21	30,9	26,8	42,3
	22–23	25	43,8	31,3
	24–25	33,3	66,7	–
	26–30	37,5	37,5	25
	31–35	16,7	50	33,3
Уровень образования	Студент СПО	29,2	29,2	41,7
	Студент ВО	39,5	26,7	33,8
	Магистрант	47,4	36,8	15,8
	Аспирант	–	60	40

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?», чем старше респонденты, тем чаще они высказывают отрицательную позицию.

Более половины респондентов свободно или достаточно свободно владеют иностранным языком (13,5% и 47,2% соответственно). Однако 36,5% опрошенных участников исследования не могут самостоятельно смотреть и слушать видео- и аудиоконтент на иностранном языке (рис. 3).

При ответе на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш уровень владения иностранным языком», чем старше респонденты, тем ниже их уровень владения иностранным языком.

Для получения более точной информации был проведен корреляционный анализ. Для расчета корреляции использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (табл. 5) [16].

Коэффициент корреляции = 1 означает наличие полной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно (табл. 6).

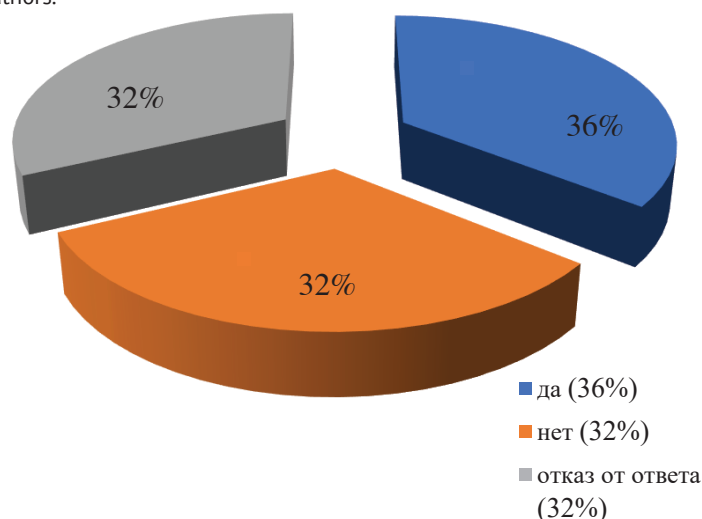

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будете ли Вы искать технические возможности получить альтернативную информацию при блокировке иностранного пропагандистского контента?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Will you look for technical opportunities to obtain alternative information when foreign propaganda content is blocked?»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Would you be interested in alternative anti-state foreign or Russian-language opposition content?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Отказ от ответа / Refusal to answer
Все опрошенные		21,2	45,4	33,4
Пол	Мужской	19,5	53,3	27,2
	Женский	22,6	46,1	32,3
Возраст (лет)	до 18	25,6	47,6	26,8
	18–19	22,7	46,1	31,2
	20–21	18	39,3	42,6
	22–23	26,7	46,7	26,7
	24–25	–	100	–
	26–30	–	87,5	12,5
	31–35	16,7	83,3	–
Уровень образования	Студент СПО	23,2	48,4	28,4
	Студент ВО	20,7	44,8	34,5
	Магистрант	31,6	57,9	10,5
	Аспирант	20	60	20

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

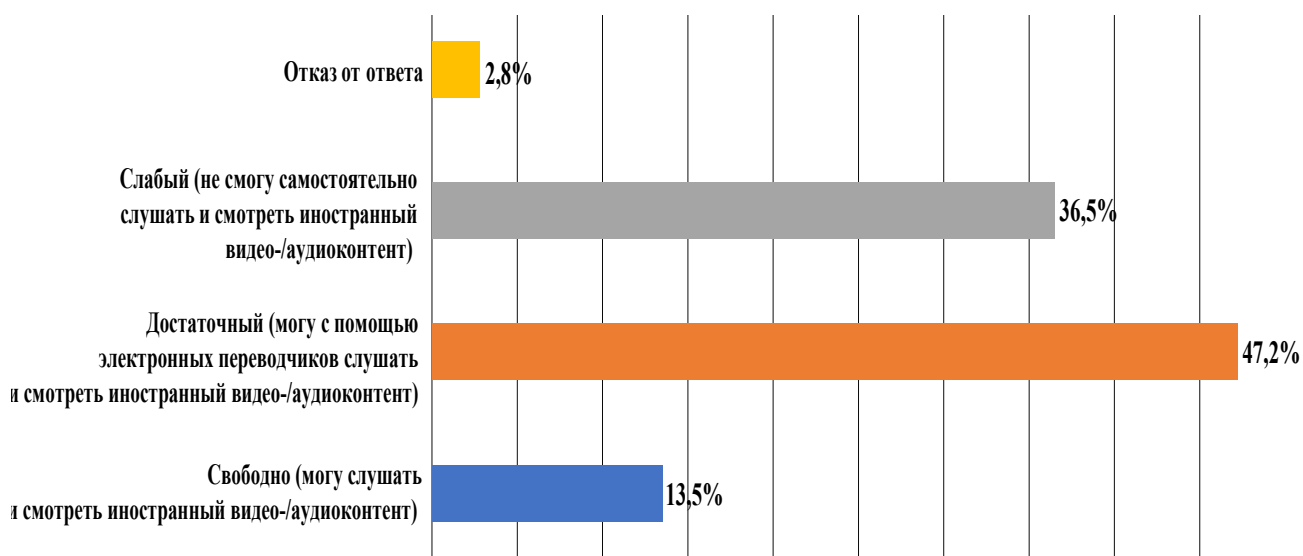

Рис. 3. / Fig. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш уровень владения иностранным языком» / Distribution of respondents' answers to the question: «Please indicate your level of foreign language proficiency»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Коэффициент корреляции = 0,875, что означает наличие сильной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно, количество старших людей, ответивших «нет» и «затрудняюсь ответить» одинаково (табл. 7).

Был получен коэффициент корреляции = -0,625, что означает наличие обратной линейной связи [17–20]. Это значит, что мнения групп разнятся: студенты СПО в основном затруднялись ответить на вопрос, что может имплицировать их отрицательное отношение создания единого информационного пространства. Магистранты и аспиранты честно выражали свою оценку этой возможности. Они дали конкретный преимущественно отрицательный ответ на вопрос об их отношении к формированию единого информационного пространства (табл. 8).

Коэффициент корреляции = 1, что означает наличие полной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно. Данные анализа показали, что представители российского студенчества и российской научной молодежи будут искать возможность преодоления единого информационного пространства.

Аналогичная корреляционная ситуация с ответом на вопрос «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?», но в этом вопросе большинство отвечало отрицательно. Подавляющее большинство респондентов высказались об отсутствии интереса к альтернативному западному контенту.

С нашей точки зрения важно рассмотреть корреляцию уровня владения английским языком и интересом к альтернативному контенту для групп с разным уровнем образования.

Коэффициент корреляции для студентов СПО = 0,5, что означает наличие положительной линейной связи. Коэффициент корреляции для магистрантов и аспирантов = -0,5, что означает наличие обратной линейной связи. В целом с увеличением уровня владения языком и уровня образования увеличивается заинтересованность в альтернативном контенте [21].

В целом, чем выше уровень владения иностранным языком респондентов, тем больший интерес для них представляет альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент, а также они чаще высказывают положительную позицию в отношении поиска технических возможностей получения альтернативной информации при блокировке иностранного пропагандистского контента.

В ходе социологического исследования были определены корреляционные связи типа региона респондента с их отношением к возможности введения единого информационного пространства. Исследовательской группой была выдвинута рабочая гипотеза о том, что респонденты из Москвы будут преимущественно против единого российского информационного пространства, в то время как респонденты из провинциальных городов Российской Федерации будут не против создания в нашей стране единого информационного пространства. Для чистоты эксперимента были выбраны наиболее непохожие регионы: Москва и Московская область, Дагестан, Пенза и Башкортостан. Результаты корреляционного анализа представлены в таблицах 9–10.

Коэффициент корреляции = 0,5, что означает наличие положительной линейной связи. В целом большее количество людей склонны отвечать положительно. И рабочая гипотеза авторского коллектива не подтвердилась. Нет связи «столичности» региона респондента с отрицательным отношением к возможности введения единого информационного пространства (табл. 9).

Коэффициент корреляции = 1, что означает наличие полной положительной линейной связи. Люди в обоих регионах склонны положительно относиться к возможности создания единого информационного пространства.

В целом во всех российских регионах, где проводились исследования, соотношение ответов схоже — в основном положительно. Большинство респондентов отлично понимает специфику настоящих геополитических угроз и положительно относятся к введению единого информационного пространства в России. Некоторые расхождения в пропорциях в республике Дагестан, вероятно, связаны с ограниченностью выборки, и при увеличении числа респондентов показатели скорее всего бы стали ближе к остальным регионам. Кроме того, для того чтобы получить более точные социологические данные, настоящее исследование можно дополнить данными качественных социологических исследований. Но это не является задачей настоящего исследования, качественный социологический анализ отношения российской студенческой молодежи и молодежного научного сообщества станет предметом дальнейших исследований авторского коллектива.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования было установлено, что более половины респондентов положительно оценивают усилия органов государственной власти по

Таблица 5 / Table 5

**Анализ корреляции ответов групп людей разных возрастов /
Analysis of the correlation of responses of groups of people of different ages**

Возраст / Age	До 18 лет и 18–19 лет / Under 18 and 18–19 years old	26–30 лет и 31–35 лет / 26–30 years and 31–35 years
Да	113	38
Нет	16	18
Затрудняюсь ответить	79	31

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 6 / Table 6

**Корреляция отношений к созданию единого информационного пространства с возрастом
респондентов / Correlation of attitudes towards the creation of a single information space with the
age of respondents**

Возраст / Age	До 18 лет и 18–19 лет / Under 18 and 18–19 years old	26–30 лет и 31–35 лет / 26–30 years and 31–35 years
Да	106	63
Нет	31	13
Затрудняюсь ответить	72	13

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 7 / Table 7

**Корреляция возможности исключения в едином информационном пространстве влияния
враждебной экстремистской пропаганды и идеологии с уровнем образования респондентов /
Correlation of the possibility of exclusion in a single information space, the influence of hostile
extremist propaganda and ideology with the level of education of respondents**

Образование / Education	СПО / SPO	Магистранты и аспиранты / Master's and PhD students
Да	29	47
Нет	29	50
Затрудняюсь ответить	41	26

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 8 / Table 8

**Анализ связи желания использовать технические возможности с целью получения альтернативной
информации при блокировке иностранного пропагандистского контента с уровнем образования /
Analysis of the relationship between the desire to use technical capabilities to obtain alternative
information when blocking foreign propaganda content and the level of education**

Образование / Education	СПО / SPO	Магистранты и аспиранты / Master's and PhD students
Да	38	60
Нет	33	47
Затрудняюсь ответить	29	17

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 9 / Table 9

**Корреляционные соотношения и связи респондентов из Москвы и Московской области
и республики Дагестан / Correlation relationships and connections of respondents from Moscow and
the Moscow region and the Republic of Dagestan**

Ответ / Answer	Москва и Московская обл. / Moscow and Moscow region	Республика Дагестан / Republic of Dagestan
Да	9	5
Нет	6	1
Затрудняюсь ответить	7	8

Источник / Source: составлено авторами / Complied by the authors.

Таблица 10 / Table 10

**Корреляционные соотношения и связи респондентов внутри провинциальной России / Correlation
relationships and connections of respondents within provincial Russia**

Ответ / Answer	Пенза и Пензенская обл. / Penza and Penza region	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan
Да	83	15
Нет	12	1
Затрудняюсь ответить	41	6

Источник / Source: составлено авторами / Complied by the authors.

созданию единого информационного пространства и считают сам факт формирования единого информационного пространства важным, социально значимым и положительным для российского общества.

Была выявлена зависимость оценки возможности существования единого российского информационного пространства от возраста респондентов, а также определена связь отрицательной оценки создания единого российского информационного пространства со знанием иностранного языка. Авторская рабочая гипотеза о связи отрицательного отношения респондентов к введению единого информационного пространства с типом региона не получила подтверждения.

По мнению авторов исследования, на техническую и технологическую возможность создания единого информационного пространства влияют следующие социально-политические, социокультурные и социально-технологические тенденции:

1. Развитие общества нового типа, основанного на информационно-цифровых технологиях, которые возможно упорядочить в единое информационное пространство¹.

2. Формирование единых электронных форм управления социально-политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами.

3. Появление феномена «электронной управляемости» обществом и государством, возникающего на базе единого информационного пространства.

4. Изменение форм, методов и инструментов социальной коммуникации в современном российском обществе, стимулирующее формирование единого информационного пространства.

5. Возникновение специфических «электронных правительств» и специфической «электронной бюрократии», требующих единого информационного пространства, порождает феномен институционального доверия или недоверия к ним [22].

6. Учет при создании единого информационного пространства социально-политического, социокультурного и цифрового неравенства регионов [23].

7. Трансформация российского гражданского общества, выражающаяся в формировании специфических цифровых взаимоотношений между государством и гражданским обществом, способного сформировать единое информационное про-

¹ PermanJ. Urbanmarginality:27frommythtoreality. TheFavelasofRiodeJaneiro 1969-2001. URL: https://www.urbanleaders.org/540UrbanReality/00Readings/Marginality_from_Myth_to_Reality.pdf.

странство в Российской Федерации для студенческой молодежи².

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о существовании определенных инструментальных предпосылок формирования единого информационного пространства, к которым следует отнести³:

- наличие общего сетевого цифрового пространства, в которое включена российская студенческая молодежь;
- инструментальную возможность создания единых социальных технологий преодоления влияний фрондерской культуры и фрондерской политической идентичности активной части российского студенчества с помощью дискурсивного управления и создания альтернативных антагонистических дискурсов;
- социосемиотическую возможность маргинализации нежелательных смыслов и дискурсов оппозиционного и антигосударственного толка путем вытеснения «вредных» социальных архетипов и смысловых структур за границы допустимых и мейнстримных смыслов в социальной группе

² Лисицина М. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100%. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb523042; Яковлева Е. Россияне каждый день проводят в интернете 3 часа 40 минут. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/30/rossiiane-kazhdyy-den-provodiat-v-internete-3-chasa-40-minut.html>

³ ВЦИОМ. Тренды медиапотребления 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022>; Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>

с целью повышения атмосферы социального институционального доверия;

- выявление и социосемантическую и дискурсивную нейтрализацию деструктивных социальных архетипов и смыслов, разрушающих единое информационное пространство, как основы институционального социального доверия и формирующих фрондерскую идентичность (архетип «герой-бунтарь»);
 - разработку государственной системы социальных архетипов, формирующих государственно-ориентированную личность;
 - дискурсивное управление смыслами молодежной студенческой культуры;
 - разработку методики создания и управления единым информационным пространством с помощью методологии «мы-групп» А. Шюца;
 - преодоление и ослабление негативного влияния цифровизации общественных отношений на процессы формирования единого информационного пространства и переосмысление роли образно-символических элементов национальной культуры с учетом возможного использования потенциальных возможностей цифровых технологий⁴;
 - укрепление технологического суверенитета, создание национальных информационных порталов с максимальной технической защитой от проникновения вражеского контента.
- Таким образом, существует потенциальная социальная возможность создания в России единого информационного пространства, поскольку более половины респондентов положительно относятся к этой возможности.

⁴ Социальные сети (рынок России). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 30.03.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы. *Цифровая социология*. 2020;3(2):4-16. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-4-16
2. Воробьев В.П., Ретинская В.Н. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху интернета. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022;1:59-70. DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-5
3. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества. *Социологические исследования*. 2022;10:62-73. DOI: 10.31857/S 013216250021404-7
4. Lazer D., Radford J. Data ex machina: Introduction to Big Data. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):19-39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457
5. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*. 1988;2:129-137. URL: https://www.academia.edu/25220940/Шюц_Структура_повседневного_мышления
6. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;1:129-153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790

7. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. 2014;1:1-12. DOI: 10.1177/2053951714528481
8. Marcos P.N. History and the politics of nostalgia. *Iowa J. of Cultural Studies*. 2019;5:23-35. DOI: 10.17077/2168-569X.1113
9. Аникин Л. С., Тарский Ю. И. Политика модернизации и информационное общество: социокультурный аспект. *Власть*. 2012;6:94-98. URL: <https://elibrary.ru/oytfrz>
10. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва: Московский университет; 2021. 272 с. URL: <https://elibrary.ru/qynyth>
11. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;6(166):97-118. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014
12. Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;6(166):4-27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111
13. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: уроки евромайдана. Москва: Издательский дом ВШЭ; 2021. 184 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2371-1
14. Гостенина В. И., Карандин К. С. Особенности применения корреляционного анализа в социологических исследованиях. *Экономика. Социология. Право*. 2020;4(8):73-81. URL: <https://elibrary.ru/zxqnvv>
15. Андреева М. М., Волоков В. Р. Корреляционный анализ в социологических исследованиях. *Вестник Казанского технологического университета*. 2023;7:271-274. URL: <https://elibrary.ru/qaiekb>
16. Басимов М. М. Преодоление «удобных» корреляционных заблуждений в современной социологической науке. В сб.: *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. 2018:23-56. URL: <https://elibrary.ru/xmlskd>
17. Гржибовский А. М., Иванов С. В., Горбатова М. А. Корреляционный анализ данных с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS. *Наука и здравоохранение*. 2020;1:7-36. URL: <https://elibrary.ru/ypmldj>
18. Kraemer H. Correlation coefficients in medical research: From product moment correlation to the odds ratio. *Statistical Methods in Medical Research*. 2019;6:525-545. DOI: 10.1177/0962280206070650
19. Bamberg M. Narrative discourse and identities. *Narratology beyond literary criticism*. Berlin: Walter de Gruyter; 2019. DOI: 10.1515/9783110201840.213
20. King W.L. Religion (First Edition) / W.L. King. *Encyclopedia of religion*. Jones L., ed. 2 nded. Vol. 11. Detroit: Macmillan Reference USA, 2019. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2007.00345_1.x
21. Кордонский С. Г. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. Москва: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; CommonPlace; 2021. 312 с. URL: https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/KORDONKIY_KAK_USTROENA_BLOCK_PRINT.pdf
22. De Fina A. Identity in narrative: A study of immigrant discourse. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. URL: <https://www.benjamins.com/catalog/sin.3>
23. Володенков С. В., Белоконов С. Ю., Суслова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021;23(1):31-46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46

REFERENCES

1. Vasilenko L.A., Zotov V.V. Digitalization of public administration in Russia: risks, incidents, problems. *Digital sociology*. 2020;3(2):4-16. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-4-16
2. Vorobyov V.P., Retinskaya V.N. Figurative and symbolic aspects of the formation of the state identity of youth in the era of the Internet. *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2022;1:59-70. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-5
3. Toshchenko J. T. The evolution of ideas of the social structure of Russian society. *Sociological research*. 2022;10:62-73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250021404-7
4. Lazer D., Radford J. Data ex machina: Introduction to Big Data. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):19-39. DOI:10.1146/annurev-soc-060116-053457

5. Schutz A. The structure of everyday thinking. *Sociological research*. 1988;2:129-137. URL: [https://www.academia.edu/25220940/Шюц_The structure of the original thinking \(In Russ.\)](https://www.academia.edu/25220940/Шюц_The_structure_of_the_original_thinking_(In_Russ.)).
6. Smirnov A.V. Digital society: A theoretical model and Russian reality. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;1:129-153. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790
7. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. 2014;1:1-12. DOI: 10.1177/2053951714528481
8. Marcos P.N. History and the politics of nostalgia. *Jowa J. of Cultural Studies*. 2019;5:23-35. DOI: 10.17077/2168-569X.1113
9. Anikin L.S., Tarsky Yu.I. Modernization policy and information society: Socio-cultural aspect. *Power*. 2012;6:94-98. URL: <https://elibrary.ru/oytfrz> (In Russ.).
10. Volodenkov S.V. Internet communications in the global space of modern political management. Moscow: Moscow University; 2021. 272 p. URL: <https://elibrary.ru/qynyth> (In Russ.).
11. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital infrastructures of civil and political activism: Current challenges, risks and limitations. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;6(166):97-118. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014
12. Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. The influence of new information and communication technologies on civil and political activism: "Tension lines" of the discussion field. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;6(166):4-27. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111
13. Baisha O. The discursive rift of the social field: Lessons from Euromaidan. Moscow: HSE Publishing House; 2021. 184 p. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2371-1
14. Gostenina V.I., Karandin K.S. Features of the application of correlation analysis in sociological research. *Economy. Sociology. Right*. 2020;4(8):73-81. URL: <https://elibrary.ru/zxqnvv> (In Russ.).
15. Andreeva M.M., Volokov V.R. Correlation analysis in sociological research. *Bulletin of Kazan Technological University*. 2023;7:271-274. URL: <https://elibrary.ru/qaiekb> (In Russ.).
16. Basimov M.M. Overcoming "convenient" correlation misconceptions in modern sociological science. In: Culture, personality, society in the modern world: Methodology, empirical research experience. 2018:23-56. URL: <https://elibrary.ru/xmlskd> (In Russ.).
17. Grzhibovsky A.M., Ivanov S.V., Gorbatova M.A. Correlation analysis of data using Statistica and SPSS software. *Science and healthcare*. 2020;1:7-36. URL: <https://elibrary.ru/ypmldj> (In Russ.).
18. Kraemer H. Correlation coefficients in medical research: From product moment correlation to the odds ratio. *Statistical Methods in Medical Research*. 2019;6:525-545. DOI: 10.1177/0962280206070650
19. Bamberg M. Narrative discourse and identities. Narratology beyond literary criticism. Berlin: Walter de Gruyter; 2019. DOI: 10.1515/9783110201840.213
20. King W.L. Religion (First Edition) / W.L. King. Encyclopedia of religion. Jones L., ed. 2 nded. Vol. 11. Detroit: Macmillan Reference USA, 2019. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2007.00345_1.x
21. Kordonskiy S.G. How Russia works. Articles and interviews from different years. Moscow: Khamovniki Social Research Support Foundation; CommonPlace; 2021. 312 p. URL: https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/KORDONKIY_KAK_USTROENA_BLOCK_PRINT.pdf (In Russ.).
22. De Fina A. Identity in narrative: a study of immigrant discourse. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. URL: <https://www.benjamins.com/catalog/sin.3>
23. Volodenkov S.V., Belokonev S. Yu., Suslova A.A. Features of the structure of information consumption of modern Russian youth: Based on research materials among students of political science at the Financial University. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021;23(1):31-46. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет; директор Центра мониторинга социальных процессов Института регионального развития Пензенской обл., Пенза, Российская Федерация

Igor A. Yurasov — Dr. Sci. (Sociological), Prof. of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Prof. of the Department of Public Administration and Sociology, Penza State University; Director of the Center for Monitoring Social Processes of the Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

jurassow@yandex.ru

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Пенза, Российская Федерация

Vera A. Yudina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

vayudina@fa.ru

Ольга Александровна Зябликова — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Пенза, Российская Федерация

Olga A. Zyablikova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russian Federation

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

has18068881@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Юрасов — разработка проблемы и общей методологии исследования, формулировка научной проблемы, руководство исследованием.

О.А. Зябликова — сбор данных, интерпретация эмпирического материала, написание итогового текста статьи.

В.А. Юдина — литературный обзор по проблеме исследования, критический анализ и доработка текста.

Authors' contributions:

I. A. Yurasov — development of the problem and general research methodology, formulation of the scientific problem, research supervision.

O. A. Zyablikova — data collection, interpretation of empirical material, writing of the final article.

V. A. Yudina — literature review on the research problem, critical analysis, and revision of the text.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.12.2024; принята к публикации 15.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.12.2024; accepted for publication on 15.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.